

На второй день я поела и напилась досыта, удовлетворенно сидя в повозке для заключенных с Сяо Хуаном, чтобы отправиться в столицу. Сяо Хуан погладил тонкую белую хлопчатобумажную ткань, обернутая вокруг моей головы, моргая своими большими водянистыми глазами. В тот же момент он удивляясь, спросил: «Сяо Йи, вчера белая ткань, которую я видел на твоей голове, была все еще старой и грязной, в течение одной ночи, как она стала новой?»

...Нужно ли мне говорить, что эта тонкая белая хлопчатобумажная ткань была оторвана от внутренней части одежды Ян Пина?

Сяо Хуан, услышав это, испугался бы до такой степени, что его глазные яблоки выпали бы, верно?

С давних пор Ян Пин начал ненавидел меня до мозга костей. Но сейчас я не могла его понять. Я только что сказала ему, что я женщина, но неожиданно смогла спровоцировать защитные чувства, которые он испытывал по отношению к прекрасному полу, заставив его разорвать свою собственную одежду для меня, чтобы обернуть мою рану.

Я потерла лицо. Грубая кожа явно не считается очаровательными черты лица... в тот год, когда он использовал стратегию соблазнения меня своей мужской красотой, я отдала ему всю свою красоту и душу...

В тот год я ненавидела себя за то, что не могла разорвать свою плоть и растворить свои кости для него...

Жаль, что вчера вечером, когда он перевязал мне рану на голове, была выплюнута одна строчка:

«Основываясь на твоих навыках, ты должна была избежать этого, так почему же этого не произошло?»

Эта пара нежных глаз пристально смотрела на меня. После стольких лет я все еще не могу прочувствовать его мысли, и в настоящее время я не склонна тратить свое внимание. Я тут же рассмеялась: «Я мужчина!»

Он ударил меня один раз по голове. Тут же потек ручеек крови, но я была совершенно без сознания и все еще ослепительно улыбался. Он покраснел, поспешно выуживая из-за пазухи лекарство, останавливающее кровь. Он с силой вылил его мне на голову, все время упрекая: «Разве ты не испытываешь боль?»

Теперь у меня нет денег, нет никого, кроме меня самой. Нет любви и нет ненависти. Даже нет

забот. Таким образом, я не боялась, что он что-то замышляет. Улыбаясь, я откусила кусочек блинчика с мясом, который он принес, и беззаботно сказала: «С давних пор я не знаю, как чувствовать боль.»

Он пришел в ярость, говоря: «Ан Йи, не валяй дурака передо мной! Какой у тебя характер, думаешь, я не знаю?»

Я продолжала жевать свой мясной блин, тупо думая, какой у меня характер.

Прошлое давно превратилось в плавающую пыль.

Внезапно я почувствовал, как мое тело покалывает. Было действительно не больно. Я продолжала есть свой мясной блин, как и прежде, думая сначала наполнить свой желудок, но он, взволнованный и раздраженный, украл мой мясной блин и бросил его на пол, сердито говоря: «Есть, есть, есть, ты только знаешь, как есть! Это самая болезненная точка акупунктуры на теле человека. Ты действительно можешь это вынести?»

Я с сожалением взял эту половинку мясного блина, сдула сверху пыль и продолжила запихивать его в рот, действительно не понимая, почему некогда нежный человек был теперь раздражителен до такой степени. Не желая злить его, в конце концов я не мог не сказать правду: «Я уже около трех лет не чувствую боль. За это время я много чего пробовала. Будь то булавки или меч, я уже не чувствовала боли очень давно.»

Удивление в его глазах стало сильнее, вместе с чем-то похожим на печаль, как будто это он сам потерял способность чувствовать боль. Если бы я не знала, что он всегда меня крайне недолюбливал, даже не испытывая ко мне никаких романтических чувств, боюсь, у меня сложилось бы впечатление, что его сердце болит за меня. Я похлопала его по плечу своими маслянистыми руками, самодовольно улыбаясь: «На самом деле, это не проклятье. Без боли, в тот год, в битве между Великим Чень и Великим Ци, я была в состоянии идти вперед, не боясь смерти. В любом случае, тогда боли уже больше не было. Даже если я умру, это будет не более, чем потерять сознание.»

Его лицо внезапно стало смертельно бледным, и он долго молчал. Неясно, вспоминал ли он ту битву или вспоминал поражение нашей страны, рушащиеся городские стены... но у меня все еще были мясные блины и я продолжила предать их, вздыхая: «Если завтра я смогу есть блинчики по пути на казнь, то эта жизнь будет сравнима с жизнью бессмертных, верно?»

Внезапно его глаза покрылись водянистой плёнкой, которая выглядела так, словно вот-вот прольется слезами.

Я не смогла удержаться от смеха, указывая на него и недоверчиво говоря: «Генерал Ян, вы не можете пролить эти несколько сочувствующих слез только потому, что мне суждено быть обезглавленной в городе. Или это осознание того, что ты потерял меня, как обожателя? Неужели это причинило тебе столько горя, что ты даже прольешь несколько слез?»

Он смущенно отвернулся.

«Эй, эй, я говорила неправильно, не так ли? Просто по сравнению с моим падением, есть еще множество молодых леди из столицы, чьи глаза особенно пронзительны. С молодой и боевой внешностью генерала Ян количество поклонников бесконечно. Генералу не нужно впадать в депрессию. Абсолютно не нужно!»

Под звуки моего смеха он убежал.

Так что с тех пор, за всю дорогу, кроме солдат, которые аккуратно подавали мясные блины, я больше никогда не видела, чтобы Ян Пин приближался к повозке заключенного.

Сяо Хуан сел, с тревогой уставившись на меня. «Сяо Йи, почему брат Ян Пин не придет к нам?»

Откуда мне знать его мысли?

Но я все еще сумела обмануть Сяо Хуана, симулируя унылое выражение: «Наверное, потому что он не любит меня...»

Сяо Хуан стукнул наручниками по телу, чтобы они несколько раз чокнулись и щелкнули. Видя, что солдаты сопровождения в нескольких шагах от улицы не обращали никакого внимания на шум с этой стороны, он очень осторожно подошел ко мне: «Сяо Йи, разве ты не самый изобретательный? Было бы лучше подумать о том, как нам убежать, верно? Я слышал, что император Великой Ци, Фэнь Чжао Вэнь, может отдавать приказы, чтобы кто-то был обезглавлен, даже не моргнув... »

Я откинулась назад. Моя шея, к сожалению, была скована деревянным кангом и было довольно неудобно. Оставшись без вариантов, я глубоко вздохнула, бросив на него взгляд: «Могу ли я сбежать?»

Лицо Сяо Хуана внезапно сморщилось, как паровая булочка. Долго молчал, опустил голову и подумал. В конце концов он снова подвинулся и прошептал тихим голосом: «Разве регент не дал тебе армейскую печать, которую нужно сохранить? Сохранение нашей жизни является наиболее важным. Не говори мне, что ты хочешь сохранить ее и передать Фэнь Чжао Вэнь?»

Потрясенная, я оценила его.... Это был все тот же глупый Сяо Хуан?

Его глаза немного блеснули, и он снова смело повернул голову, чтобы посмотреть на меня прямо: «Сяо Йи, я следил за тобой три года, и ни разу не видел эту армейскую печать. Несмотря ни на что, мы с тобой всегда были связаны одной и той же нитью. Почему бы не снять эту армейскую печать и помочь мне совершить большие дела... В будущем ты будешь выдающимся министром».

И для чего мне становиться министром?

Мой отец говорил, что он видел мою неспособность к литературе, некомпетентность в боевых искусствах, бесполезную внешность и мог только надеяться, что я буду жить легкой и комфортной жизнью когда-нибудь. Что касается больших достижений или принесения чести семье... в те дни он даже не знал, где был похоронен мой дед по отцовской линии, поэтому я могла просто полностью забыть об этой части.

Помимо того, что я беспокоюсь о достаточном количестве еды и теплой одежды для себя, я волнуюсь за этого ребенка перед собой. Я намекнула ему, чтобы он приблизился с моими глазами, затем коснулась своим лбом его: «Конечно, слишком долгое пребывание в тюремной камере может легко запутать человека. О, Сяо Хуан, кто научил тебя этим словам?

Его лоб был немного холодным. Придерживаясь этого, я почувствовал, что мое сердце наполовину замерзло... Если бы я знала раньше, что он следовал за мной из-за военной печати, о которой я никогда не слышала раньше, я не должна была прилагать столько усилий для выполнения полевых работ, чтобы я могла поднять его. Я должна была просто позволить ему голодать, пока он бы не умер.

Его глаза, чистые, как вода, отражали меня с волосами, запутанными, как трава.

«Сяо Йи, тебе не нужно быть упрямой! Если продолжать в том же духе, у нас точно не будет шансов на выживание. Если ты не вытащишь ее сейчас, не говори, что будешь дожидаться нашего обезглавливания! '

«Хе-хе-хе...» Я не знаю, почему мне так трудно перестать смеяться: «Ты, глупый ребенок! В то время, после того, как мой отец умер, ты должен был спросить меня прямо об этом. Если бы у меня была бы эта армейская печать, то я бы безусловно отдала бы ее. Это даже не то, без чего я не могу жить. Должно быть, эти три года были такими утомительными для тебя, чтобы просто-напросто спросить меня!

Он тупо уставился на меня, выражение его лица было немного нерешительным. Затем звук его голоса стал холодным: «Ты действительно лучше умрешь, чем отдашь армейскую печать?»

Я посмотрела на него с раздражением. Как я могу заставить его поверить мне?

Я еще не думала об ответе, когда звук конских копыт дошел до моих ушей. В мгновение ока, более десяти человек в черных одеждах, сидящих на лошадях и схвативших мечи, бросились звуку. Выражение лица Сяо Хуана смягчилось. Согласно моим предположениям, эта группа людей должна быть великой защитной группировкой императора Чэнь. Первоначально я думала, что они были уничтожены Фэнь Чжао Вэнь с самого начала. Оказывается, на самом деле они тайно защищали Сяо Хуана.

Навыки этих немногих одетых в черных людей не были слабыми. Очень быстро они вступили в

бой с солдатами эскорта. Среди них человек в черной одежде с очень высокой и крепкой фигурой взревел: «Спасите его величество! Быстро, спасите его величество»

Я радостно сложила свой кулак в сторону Сяо Хуана: «Сяо Хуан, сегодня мы с тобой расстанемся. Отныне этому слуге не придется беспокоиться о еде и одежде вашего величества. Наконец-то я избавлена от тяжелого бремени! Ваше Величество, пожалуйста, продолжайте заботиться о себе!»

Он наблюдал за битвой с несколько нервным видом. Услышав, что я сказала, ошеломленно произнес: «Сяо Йи, не говори мне, что ты не уйдешь со мной?»

Я с улыбкой покачала головой, поднимая ее, чтобы посмотреть на высокое небо и широкие облака. Выражение моего лица не могло не быть печальным. — Этот путь, который ты выбрал, слишком утомителен. Я просто хочу быть хорошо одетой и накормленной, счастливой и жить в уюте, доживая остаток своей жизни в месте источников и деревьев. Увы, это всего лишь сон в конце концов. Но все в порядке. Даже если я не пойду в место источников и деревьев, я все равно могу спуститься к Желтым источникам. Во всяком случае, это все еще место, где я могу избежать работы.»

Вокруг повозки пленника пьяно дрались две группы мужчин и лошадей. Он молча уставился на меня, вероятно, очень разочарованный, и уже собирался что-то сказать, как вдруг широкий меч, яркий, как снег, с треском отрубил железные цепи повозки пленника. Еще несколько раз ударил, стружки закружились в воздухе, и заборы с одной стороны повозки заключенного были срублены. С несколькими ударами, кандалы и деревянный канг на моем и теле Сяо Хуана разъединились. Действительно, какой хороший клинок!

Сяо Хуан маневрировал ногами и ступнями, спрыгивая с тележки. Он протянул мне руку. Этот человек в черном, мой дорогой друг, тоже очень сердечно сказал: «Разве это не Маленький Генерал Ан?»

Я покачала головой, а затем кивнула. Эта форма обращения, она действительно не использовалась в течение длительного времени!

Они оба были озадачены. Я усмехнулся и убедил их: «Вы правы. Я Ан Йи. Но я не пойду с тобой. Вы должны быстро бежать. Пожалуйста, берегите себя!»

Этот человек в черном отвлекся. «Разве армейская печать не в руках маленького генерала Ана?» Но его внезапно вытащил Сяо Хуан. В этот момент солдаты, охранявшие повозку пленника, бросились в атаку. Сяо Хуан и я были сразу же разделены далеко друг от друга этими двумя группами людей и лошадей.

Я неотрывно смотрела, как этот глупый ребенок, которого я растила собственными руками в течение трех лет, прищипорил коня и исчез вместе с человеком в черном, ни разу не повернув головы назад. Это чувство было трудно описать. Я немного понимала, что должны чувствовать родители, выдавая замуж свою дочь. Не радостно, а грустно. Кроме того, родители, выдающие

замуж свою дочь, должны чувствовать себя так, как будто разрывают кости и раздирают плоть. Видимо, у меня депрессия.

Из-за того, что я не была связана, лежа в повозке заключенного, мой сон был очень ровным и сладким. В тумане я услышал нежный голос Ян Пина, приказывающий солдатам очистить поле боя и оказать людям в черной одежде, которые еще не испустили последний вздох, помощь. Все это я просто воспринял как колыбельную и погрузилась в глубокий сон.

Крепко спя, я понемногу приходила в себя. Вероятно, по привычке, я бездумно сказала: «Сяо Хуан, если ты голоден, иди возьми кукурузный блин из кастрюли, чтобы поесть. Дай мне поспать еще. Так устала...»

«Этот дурак уже ушел...»

Внезапно открыв глаза, передо мной были глаза Ян Пина, нежные до невероятности. Однако я не невежественная молодая леди и знаю, что этот человек, будь то враг или благодетель, использовал бы такое лицо. Так что в течение долгого времени у меня не было никаких иллюзий, и мое сердце не дрогнуло в моей груди.

Я грубо потерла волосы. С помощью человека, одетого в черное, моего дорогого друга, на мне не было никаких кандалов. Действительно, так удобно.

«Это можно списать на привычку?»

Он спокойно наблюдал за мной. После долгого молчания он сказал: «Ан Йи, ты совсем не сердись?»

«А почему я должна сердиться?»

Он, с обиженным выражением лица, которое показало, что я не оправдала его ожиданий: «Цинь Хуэй жил в уединении рядом с тобой в течение трех лет, и только для армейской печати. Но ты пахала как лошадь, чтобы вырастить его. Разве ты не чувствуешь себя невыносимо оскорбленной?»

Если бы он не напомнил мне, я бы почти забыла. Ребенка великого императора Ци, его величество, зовут Цинь Хуэй.

Я засмеялась, лениво переворачивая свое тело: «Ребенок-император парчевых одежд и нефритовых блюд, как он, должен был страдать рядом со мной, голодный в течение трех лет, питаясь шелухой и глотая овощи, и, в конце концов, все еще не нашел армейскую печать. Я думаю, что оскорбленным человеком должен быть он, верно?»

«В тот год, когда я спасла этого дурака, я ни разу не подумала о том, что он мне оплатит.

Теперь же выясняется, что этот дурак никогда не был глуп. Даже грустно как-то.

Его лицо сразу стало некрасивым. Он холодно хмыкнул и повернул голову, чтобы уйти.

Раньше он не был таким человеком...

<http://tl.rulate.ru/book/28150/592328>